

Холли до смерти боялась, что возвращение на работу после случая с молотом будет пыткой. Она всерьёз задумывалась о том, чтобы уволиться и сбежать в другую страну. Её остановила лишь симпатия к Джарвису. Поэтому она пошла на работу, вопреки внутреннему сопротивлению. К счастью, почти ничего не изменилось.

Самым большим изменением стало то, что Мстители начали с ней разговаривать. Время от времени кто-нибудь из них просил её передвинуть молот, потому что Тор оставил его перед дверью или на чём-то нужном. Тони Старк каждый раз спрашивал, не занималась ли она недавно убийством огромных монстров. Это, как она полагала, было шуткой про то, что она может поднять Мьельнир, а он — нет. Она изо всех сил старалась не вздрагивать при воспоминаниях об огромных монстрах, которых она убила, и только отшучивалась.

Первые две недели после инцидента её преследовали до дома и по всему городу, когда она выходила на улицу, люди, которых она не могла заметить. Сначала она подумала, что те мужчины, с которыми она подралась в баре, готовят нападение, но когда ничего не произошло, до неё дошло, что это кто-то из Мстителей. Поэтому, чтобы избавиться от слежки, она убедилась, что шторы задёрнуты, и сильным заклинанием спрятала все волшебные вещи глубоко под кроватью. Она обнаружила следы проникновения в квартиру, но не волновалась, потому что они бы не смогли найти ничего важного.

В разговоре с Джарвисом она упомянула об этом. Сказав ему, что заметила, будто кто-то был в её квартире, дверь была не заперта, и вещи лежали не на месте. Он успокоил её, сообщив, что это было частью проверки, которую устроили Мстители. Ничего не было взято, и никакие из личных данных не подлежат разглашению, если того не требуется в интересах национальной безопасности. Она очень строго объяснила Джарвису, что они могли просто попросить разрешения зайти в квартиру или предупредить её, чтобы она хотя бы успела помыть посуду до их прихода.

Джарвис ответил, что дело было не в этом.

Тем не менее, после её жалоб Джарвису, вторжения и преследование полностью прекратились. Что было здорово, потому что непрерывная слежка вызывала у неё сильнейшие приступы паранойи. В кошмарах, которые и так были ужасны, появились новые персонажи в виде магловских агентов, которые врываются в её квартиру и забирали палочку, а потом начинали стрелять в неё и её друзей. Глупо, но всё же достаточно навязчиво, чтобы лишиться из-за этого сна.

Кроме того, она знала, что на работе за ней следили Клинт и Наташа. Когда она отправилась обедать с коллегами, то почувствовала чей-то взгляд у себя на затылке. Во время уборки на их этаже, они сидели и занимались своими делами, пока она работала. Клинт вёл себя по крайней мере дружелюбно, время от времени пытаясь вовлечь её в разговор, однажды даже извинившись за свои розыгрыши. Наташе потребовалось гораздо больше времени, чтобы наладить контакт, и даже тогда Холли чувствовала, что Наташа считала её безобидной, а не испытывала симпатию.

Отношения с Брюсом поначалу никак не изменились. Этот человек был самым спокойным в

башне. Она убиралась как можно тише, когда заставляла его во время медитаций перед окном, и иногда он предлагал ей чашку чая, пока наливал свою. Они не разговаривали о чём-то важнее погоды, но Холли казалось, что Брюсу всё равно нравятся эти беседы.

В конце концов, она никогда его не боялась.

Тор сильнее всех радовался каждой встрече. Иногда он разговаривал с ней, пока она работала, рассказывая истории о Локи и Асгарде, о буднях Мстителей. В отличие от остальных его друзей с Земли, она не участвовала в смертельной схватке с Локи, поэтому Тор решил, что она будет не против послушать про его магию и про то, какой он замечательный. Честно говоря, Холли ничего не имела против.

Локи играл важную роль в её жизни с тех пор, как ей исполнилось одиннадцать. Как и для всех остальных ведьм и волшебников. Она узнала о нём из Истории магии, а семьи тех, кто вырос в волшебном мире, каждый апрель отмечали День Локи. Иногда она задумывалась, были ли у её отца традиции, которые он мог бы передать ей, когда речь шла о Локи. Зная, каким хулиганом был её отец, День Локи должен был быть его любимым праздником. Он был богом волшебного мира, и люди запомнили его таковым. Локи был тем, кто, ну... создал волшебный мир.

Как было сказано в учебнике по Истории магии, когда охота на ведьм стала такой страшной, что детей убивали тысячами, а Асгард отказался даровать защиту, Локи нашёл решение проблемы. Невероятно сложное заклинание, которое внушило бы всем во Вселенной, что люди, использующие магию, исчезли. Чтобы волшебный мир мог возникнуть и существовать безопасно и тайно.

И в чём же проблема этой чудесной истории? После того, как Локи помог людям применить заклинание, скрывающее их, он пропал. На вопрос: «Почему он не возвращался на землю, чтобы жить со своим народом, с теми, кого он спас?», никто так и не смог ответить. Что ж, до сих пор. Если кто и знал, почему Локи пришёл на землю с армией, вместо того, чтобы вернуться с распростёртыми объятьями домой, то это был Тор, верно?

Поэтому она слушала его истории и делилась некоторыми из своих, убирая из них все упоминания о своей собственной магии. Ей нравился Тор. Он сильно отличался от большинства её знакомых. У него была страсть к жизни, которая... напоминала ей о ней самой, во всяком случае, о том, какой она была в детстве. Ко всему, что нравилось, Тор относился с тем же восторгом, который Холли берегла для квиддичных матчей.

Иногда мысли об этом оставляли горький привкус во рту. Когда последний раз она испытывала такой восторг? Она правда пыталась вспомнить. Она была очень счастлива на свадьбе Рона и Гермионы, но в то же время чувствовала себя одинокой и преданной. Ей казалось, что все сражения с Пожирателями смерти и защита мира не будоражили её по-настоящему. Наверняка это было раньше. На шестом курсе? Нет... может быть, на четвёртом?

Сколько ещё забрал у неё Волдеморт?

Прошло почти три недели после происшествия с Мьельнир. Жизнь почти вошла в привычное русло. Вопросы никуда не исчезли, людей всё ещё интересовало: «Что же в ней было такого, что магический молот заинтересовался ею?». У неё имелось ужасное подозрение на этот счёт, и она не собиралась озвучивать его ни своим друзьям в Англии, ни Мстителям. Ей даже думать об этом не хотелось.

— Холли? — Холли оторвала взгляд от окна, которое слишком усердно мыла.

— Да, Джарвис?

— Мистер Одинсон приглашает вас пообедать с ним сегодня. — Для того в этом вопросе не было ничего необычного.

— Разумеется. Скажи ему, что я приду как только закончу с окнами.

— У нас не было времени обсудить случившееся, наедине, — заметил Джарвис, когда Холли снова повернулась к окну, на этот раз сильнее сосредоточившись на задаче.

— Нет. Думаю, не было. Прости, — сказала она. — Я должна была уделить тебе время.

— Я не обижаюсь, просто переживаю. Обычно вы не избегаете серьёзных разговоров.

Это рассмешило её, какой отличный способ назвать кого-то грубым. Она прижалась лбом к чистому стеклу и вздохнула. Но сразу же отстранилась и вытерла салфеткой пятно, которое осталось после неё.

— Кажется, я знаю, почему молот позволил мне себя поднять, и боюсь, что права.

— Почему это пугает вас? — Как вообще эта история с Мьельнир могла не внушать ужас?

— Потому... потому что если я права, тогда... тогда вся моя жизнь бессмысленна. Мне больше нечего делать и нечем быть. Я... От меня останется лишь пустая человеческая оболочка, отжившее своё оружие, которое никому не нужно.

Тишина. Холли наклонилась и взяла распылитель с моющим средством для окон. Она побрызгала немного яркой жидкости на следующее окно и принялась растирать её круговыми движениями. Всё её внимание сосредоточилось на этом действии, пока она ждала реакции Джарвиса.

— Холли, я не понимаю, о чём вы говорите. Я знаю лишь, что не считаю вас бесполезной. Вы хорошо выполняете свою работу, но вы... ещё вы моя близкая подруга. Одна ваша доброта гарантирует, что вы никакое не оружие.

Она улыбнулась и проигнорировала, как на глаза навернулись слёзы. К чёрту. Она может позволить себе ещё немного переступить черту статута секретности.

— То, что я собираюсь тебе рассказать совершенно секретно. Пообещаешь мне сделать всё возможное, чтобы не говорить никому, пока у тебя не будет другого выбора? Знаешь, для безопасности мира или типа того.

— Обещаю, — ответил Джарвис.

— Мои родители умерли не в автомобильной аварии, — начала она. — Они были членами организации, созданной, чтобы встать на пути зла. Её уже не существует, большинство участников мертвы, а те, кто живы, уже постарели и отошли от дел. Моих родителей убил враг организации, на которую они работали.

Она повернулась спиной к окну, которое мыла, и начала мерить шагами комнату. Она была благодарна Джарвису за то, что он не перебивал.

— После их смерти, на меня возложили целый ворох надежд. Все, кто знали моих родителей, ожидали, что я буду похожа на них, что сделаю то же, что и они. Буду сражаться за правое дело, как они, и умру за него, — она старалась сдержать истеричные нотки в голосе, но опасалась, что не преуспела. — Лидер этой организации, Альбус, был уверен, что я — ключ ко всему. Он выбрал меня своим оружием в битве со злом. Ведь что такое жизнь одного ребёнка по сравнению с целым миром?

— Что было дальше? — спросил Джарвис, она никогда не слышала, чтобы его голос звучал так мягко.

— Я была совсем маленькой. У меня и права выбора-то не было. У большинства детей были мечты, но не у меня, у меня было предназначение. Альбус продумал всю мою жизнь, он запланировал её окончание к моим семнадцати годам. То есть он не оставил времени для карьеры или увлечения. Мне они были не нужны, ведь я должна была стать жертвенным агнцем. — Отчаянный смешок, который вырвался из её горла, прервал монолог. Она прикрыла рот рукой и взяла себя в руки. — Очевидно, я... мне удалось спасти положение и не умереть. Альбус погиб, а у меня появилось новое будущее без таких людей, как он, но...

— Но вы понятия не имели, что с ним делать, — закончил он. В его голосе не было тревоги, как тогда, когда она рассказала о своём дяде. Нет, в этот раз Джарвис говорил почти благоговейно от осознания того, что кусочки мозаики сложились в его компьютерном мозге. Были также сочувствие и доброта, которую она привыкла слышать от своего друга.

— Точно. А потом ещё и... этот молот! Такое чувство, будто меня вновь пытаются затащить в то, от чего я сбежала, но... но я даже не знаю, хочу ли я ещё сбежать! Я даже не знаю, кто я.

<http://tl.rulate.ru/book/105438/3728215>